

2. Булыка, А. М. Лексичныя запазычанні ў беларускай мове XIV–XVIII стст. / А. М. Булыка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1980. – 256 с.
3. Верхов, П. В. Суффиксальное словообразование существительных в белорусском языке XV–XX веков. Суффиксы: -икъ, -овикъ, -никъ, -овникъ, -льникъ, -чикъ, -акъ (-якъ), -чакъ, -някъ, -ак-а(-як-а), -ачъ(-ячь) : автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук : спец. 10.02.02 «Языки народов СССР (белорусский язык)» / П. В. Верхов. – Минск, 1970. – 20 с.
4. Гістарычная лексікалогія беларускай мовы / А. Я. Баханькоў [і інш.]; рэд. А. Я. Баханькоў, А. І. Жураўскі, М. Р. Суднік. – Мінск : Навука і тэхніка, 1970. – 339 с.
5. Казачэнка, Т. М. Грамадска-палітычная і юрыдычная лексіка ў беларускіх граматах ранняга перыяду / Т. М. Казачэнка // Беларуская лінгвістыка. – 1997. – Вып. 47. – С. 23–30.
6. Казачэнка, Т. М. Сацыяльна-эканамічная лексіка са значэннем прадметнасці ў полацкіх граматах ранняга перыяду / Т. М. Казачэнка // Весці Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 1997. – № 2. – С. 128–136.
7. Лексіка старабеларускай літаратурна-пісьмовай мовы XIV – сярэдзіны XVI ст. / І. У. Будзько [і інш.] ; Нац. акад. навук Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ., Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа. – Мінск : Беларуская навука, 2016. – 558 с.
8. Паўленка, М. А. Нарысы па беларускаму словаўтварэнню. Жаночыя асабовыя намінацыі ў старабеларускай мове / М. А. Паўленка. – Мінск : Выд-ва БДУ, 1978. – 136 с.
9. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI вв. / АН СССР, Ин-т истории СССР; сост. А. Л. Хорошкевич; вып. 1–5. – Москва, 1977–1985.
10. Трофимович, Т. Г. Типология предметной номинации в языке старорусской деловой письменности : дис. ... доктора филол. наук : 10.02.02 / Трофимович Тамара Григорьевна. – Минск, 2003. – 240 с.
11. Уфимцева, А. А. Лексическое значение: принцип семиологического описания лексики / А. А. Уфимцева. – М.: Наука, 1986. – 240 с.

Стаття надійшла 15.09.2016 року

УДК 81(091); 81(092)

Тамара Свиридова
(Елец, Россия)
e-mail: kafedra.tir@mail.ru

АСПЕКТЫ ТРАДИЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ А. М. СЕЛИЩЕВА

В статье рассматривается исторический материал, собранный известным лингвистом Афанасием Матвеевичем Селищевым. Анализ фактических сведений позволил ученому осмыслить проблему по русской диалектологии, исследовать этнографические и фольклорные особенности в локальном пространстве.

Источниками изучения послужили письма, документы семейного архива, песни, частушки, народные толкования.

Ключевые слова: диалектологический материал, этнографические замечания, фольклорные исследования.

Свиридова Т. Аспекти традиційних досліджень А. М. Селищева.

У статті проаналізовано історичний матеріал, зібраний відомим лінгвістом Афанасієм Матвійовичем Селищевим. Аналіз фактичних даних дозволив науковцю осмислити проблеми російської діалектології, дослідити етнографічні та фольклорні особливості у просторі. Джерелами вивчення були листи, документи сімейного архіву, пісні, частушки, народна етимологія.

Ключові слова: діалектологічний матеріал, етнографічні записи, фольклорні дослідження.

Sviridova T. Aspects of A. M. Selishchev's traditional research.

The article deals with the historical material collected by the famous linguist Afanasiy Matveevich Selishchev. The analysis of actual information allowed the scientist to comprehend the problem in Russian dialectology, to study ethnographic and folklore peculiarities in the local expanse. Sources of the study were letters, documents from the family archives, songs, chastushkas, folk commentary.

Keywords: dialectological material, ethnographic observations, folklore studies.

А. М. Селищев был известным ученым-славистом, деятельность которого занимает достойное место в лингвистической отрасли. Он изучал и понимал историю языков и культуру славян. Его работы высоко оценивались в русской и зарубежной славистике. Профессор Парижского университета Андре Мазон отмечал: «“Очерки по македонской диалектологии” очень полезный труд, который я использовал как раз в последнее время, приготавливая к печати сборник македонских текстов» [2, с. 14].

Цель статьи – репрезентировать деятельность А. М. Селищева, который активно собирал фактический материал и накапливал его начиная с 1910 года и заканчивая началом 1940-х годов.

Цель статьи обуславливает постановку и решение основной задачи – актуализировать разного рода иллюстративный материал, собранный А. М. Селищевым.

Афанасий Матвеевич собирал в большом количестве материалы по русскому языку, этнографии, истории России.

Его интересовали купчие записи на продажу земли и крестьян, раздел и опись имущества, описи дел Комитета дворянского ополчения Ливенского уезда, положение об опекунах и многое другое. Так, сорок два документа охватывают период от 17 июля 1751 г. и по 18 февраля 1822 г. Записи аккуратно оформлены на двух плотных листах, на которых есть в правом углу гербовая печать с двуглавым орлом, а также подписи секретаря, присяжных маклеров. Например: «лета 1802 октября в девятый

день Орловской губернии Ливенская помещица вдова дворянка Анна Иванова дочь Костромитинова подарила я из благоприобретённого мною имени Ливенскому помещику порутчику Фёдору Николаеву сыну Костромитинову и наследникам его в вечное владение крепостную свою крестьянскую девку Лукерью Левонтьеву дочь и с незаконно рождёнными детьми...» [3, с. 59].

Собраны 12 тонких в виде папок записей о приходе и расходе, связанные с содержанием имени малолетних дворян А. В. и Т. В. Чагиных за 1816–1823 годы. В отчёте подробно записано, сколько собрано с крестьян молока, яиц, птицы, шерсти, полотна и др. и сколько продано продукции и утеряно (т. е. умерло) домашнего скота [5; 6].

Более ста писем от разных лиц за период от 19 октября 1814 г. по 1820-й год адресовано Костромитинову Фёдору Николаевичу, ливенскому помещику, и неустановленному лицу Николаю Гавриловичу [4].

В материалах по русской диалектологии находятся письма, временной отрезок которых определяется месяцем апрелем 1915 г. и заканчивается 19 июля 1917 г. и которые предназначаются Завистовским Александре Богдановне и Владимиру Фаддеевичу, проживающим в г. Ливны Ливенской губернии. Письма присланы от разных лиц, а также из местоположения действующей армии в период 1915–1916 года. В частности, из армии писал барыне солдат, который у неё ранее служил. В свою очередь барыня посылала ему письма, деньги [7].

А. М. Селищев рассматривает содержание данных писем как интересный диалектологический материал.

А. М. Селищев собрал богатый материал по южновеликорусской диалектологии, о говорах Ливенского уезда Орловской губернии [1, с. 113–157].

Диалектологический материал взят А. М. Селищевым из говора одного из наиболее крупного села уезда – Волова, населенного государственными крестьянами-«одnodворцами», как они себя называют в противоположность бывшим крепостным. Но говоры других сел и деревень немногими чертами отличаются от воловского.

Кроме того, диалектологическим материалом послужили и данные, извлеченные из документов семейного архива гг. Завистовских – помещиков этого уезда. Из них наиболее богаты указаниями на живой говор письма приказчика Федора Гавриловича своему барину Федору Николаевичу Костромитинову.

Ливенский говор – это обычный южновеликорусский говор.

Что касается этнографических замечаний о населении уезда, то оно разделяется на бывших крепостников и на государственных крестьян.

Первые, по крайней мере в южной части уезда, не являются здесь исконными жителями и известны у государственных крестьян по имени

цуканы. Слово *цуканы* в Ливенском уезде представляет синоним понятию бывших помещичьих крестьян.

Государственные крестьяне относятся к ним свысока. Если государственный крестьянин женится на цукашке, то этим оказывает ей большое благодеяние. Девушка же, «одноворка», выходит замуж за цукана только в том случае, если она богата. Вообще же, браки между государственными крестьянами и бывшими барскими заключаются редко. Цуканы, по взгляду, например, воловских «одноворцев», грубы, неотесаны, живут грязно, не умеют хорошо готовить себе пищу, в особенности печь хлеб.

Таковыми же несимпатичными чертами характеризуются государственными крестьянами и курские цуканы. Например, во время пасхального обхода с иконами крестьянских домов одна цукашка, угощая духовенство, ударила попа ложкой по лбу за то, что он вздумал было протянуть руку не к тому блюду, к какому следовало бы.

Костюм цуканов подвергается насмешке со стороны государственных крестьян. У государственного крестьянина – рубаха, штаны («портки») «замашные», поверх рубахи надевается поддевка из покупной материи или «хорошего сукна». Обувью служат лапти, чуни, валенки и сапоги. В сухую погоду можно встретить «мáлого» (парня) в калошах.

Мой милашка, чистый сокол,

Без калош(!) ходит высокий.

Женский костюм – замашная рубашка с низко вырезанным воротником, поверх рубахи надевают кофту, юбка сшита из самодельной шерстяной материи (особенно красивы «клетчатки»).

Обувь та же, что и у мужчин, лишь вместо сапог – полусапожки, а раньше были ходаки.

На голове носят платки. Зимней одеждой является пальто, а по праздникам – шубка. Но шубка выходит из употребления и заменяется «жикеткой», «дипломатом» и т. п. Употребляется в обиходе ‘шушунка’ – короткое из самодельного сукна пальто, «костылюшка», нечто вроде «жикетки». Раньше употреблялась «холодайка» – кофта из черной материи.

Что же касается костюма цуканов, то он отличался от одежды государственных крестьян.

Цукан носит рубаху замашную или льняную, часто с вышитым воротником, отороченным мелкими зубчиками. Как у мужчин, так и у женщин проглядывается в узорах и красках стремление к резким цветам. Это ставится в укор со стороны государственных крестьян. Поверх рубахи надевается поддевка грубого самодельного сукна, рукава которой оторочены кожей. Не нравится государственным крестьянам и цуканская

манера «подпоясывать» поддевку или полушубок: низко на живот опускать кушак-подпояску.

У цукашки панёва из самодельного сукна с крупными клетками, со вставным полотнищем спереди, передник белый с красными узорами, бусы, головная повязка, кокошник, косички – (перья утки) за ушами.

Что касается самого названия 'цукан', то оно до настоящего времени остается необъяснимым.

А. М. Селищев записывал песни, которые пела девушка одного из районов села Волова под названием Макреца́.

Афанасий Матвеевич писал:

«Старинная песня так мало ценится здесь, что мне с большими трудами пришлось заставить одну крестьянскую девушку «сыграть» несколько свадебных песен. Попросил я ее спеть, между прочим, любимую в прежние времена песню:

*Летал голубь, летал сизый по задворью,
Искал голубь, искал сизый сизую голубку.*

Но, кроме первых четырех стихов, она припомнить больше не могла и обещала справиться у подруг. Но на другой день она обидчиво заявила мне, что девки засмеяли ее, когда она спросила об этой песне. «Нынче она не играется», – насмешливо они возразили ей. Зато она предлагала мне такие, которые должны бы были, по ее мнению, понравиться мне» [1, с. 120].

1

*У саду могила травой заросла.
Там гуляла Катя усю темную ночь,
Ложилася спать, спать самую у полночь,
А к ней прилетал не орел молодой, орел молодой.
Ставай, Катя, полно тебе спать, полно тебе спать.
Пришли пароходы, хочут тебя взять, хочут тебя взять.
Уйдем далеко, за сини моря, за сини моря,
Где солнце не светит, месяц никогда, месяц никогда.
В зеленом садочку гуляла там я, гуляла там я.
Гуляла, гуляла – соловьи поют, соловьи поют,
А нам с тобой, милый, разлуку дают, разлуку дают.
Разлука, разлука, чужа сторона!
Зачем нам разлучаться, зачем разлуке быть?
Лучше повенчаться с любовью дорожить.
Уся типереча!*

2

У нас на дворе, дворе

*Ни рано добре,
Что ни белая зорюшка, заря занималася,
Девушка по сенюшкам похаживала,
Своего дворянинушку побуживала:
«Уставай, дворянинушка,
Пробудися поране, молодой, поране, молодой,
За тобой, дворянинушка, уже братцы зашли.
Уж вы, братцы, товарищи, вы ступайте домой,
Ступайте домой, домой,
Вы не ждите мене,
Не ждите мне, мне, добра молодца,
У мне, доброва молодца, головка болит,
Головка болит, болит, больна головушка.
Мине син сыклонил, мне син сыклонил,
Дримота свалила, дримата.
Скрость мою головушку руда прошла,
Скрость мою сирдечушку трава проросла.*

3

*На доске, на тонкой, на тонкой, на звонкой,
На тонкой, на звонкой, девка платья мыла,
Девка платья мыла, чисто поласкала,
Чиста поласкала, чистам полю слала.
Чистам полю слала, поли при далиня,
Поли при далиня, при широкой дорошки,
При широкой дорошки, там ехал молодчик.
Там ехал молодчик, купецкий сыночик,
Купецкий сыночик, на вороном коню,
На вороном коню, сядло ковальная,
Уздо тусманная, сел я, поехал.
Сел я, поехал к любезной у гости,
Поехал у гости, ее дома нету.
Эй, лей, ле...
Толькя!*

Старинная песня в Ливенском уезде все в большей степени забывается, зато поют песни слащаво-сентиментального характера. Притом несколько песен бестолково соединяются в одну:

*Вставай, вставай, Катя!
Пришли пароходы.*

Следует иметь в виду, что в округе протекает лишь небольшой ручеек.

Среди населения в большом ходу и частушки, или «частухи», и страдашки», или страдания. Эти коротенькие рифмованные песенки исполняются двояко: речитативом – «частухи», или протяжно, «страдительно», часто под аккомпанемент «гармонии». Это так страдают:

*Давай, милка, страдать вместе:
Ты – в гармонии, а я – в пениш.*

В страданиях полагается припев: – аха, иха-аха-хо-ха (два раза), отсюда и другое название «страдашек» – ихахощки.

Среди страданий, и в особенности частушек, встречаются такие, в которых трудно понять какой-нибудь смысл:

*Ах, дудик-дувадудик-дувада,
Три цветинки, две цветинки, два цвета.
Трава синяя, зеленая моя!
Жена мужа недолюбливала.
И на что было город (огород) городить,
И на что была капусту садить!
И город не городится,
И капуста не сѳдится!*

Главное содержание страданий и частух – любовь двух милков. Но образ милки, молодца, уже не тот, какой рисуется в прежних народных песнях. Ветер развивает волнистые кудри, шелковая рубашка мягко к телу льнется, рыжий бархат кафтана наброшен на мощные плечи, или шуба лисья, словно жар, горит, а сапожки на ноженьках сафьяновые.

*Вокруг носика-то носа яйцо кати,
Под пята-то, под пята – воробей лети!* – это прежний образ добра молодца.

Теперь же:

*У маво милѳва губы, как малинка.
Как закуря(-ить) папироску – чистая картинка?*

Иначе, сравнительно с прежними песнями, представлена и девушка-милашка в современных страданиях: ее душевные переживания по отношению к своему милке гармонируют с характером сентиментальных «песельников», в тяжелую минуту ей может быть «дурно», как «чувствительной» барышне:

*Маво милку ведуть к ставке,
Обомру, ляжу на лавке.*

Любовь с ее радостями и мучениями – главный мотив страданий:

*Давай, милка, пострадаем,
Какова любовь – узнаем.*

И узнали милка и милашка, что любовь – страдание: она сушит и
глохнет человека:

*Я изсох ужо, как ветка,
По тебе, моя конфетка.
Куда пойду – занываю,
Что делаю – забываю.*

Милка готова все отдать для своего возлюбленного:

*Не пила бы я, не ела,
Все б на милого глядела.*

Он – светлая звездочка, блистающая ярче других на темном небе:

*Много звездочек на небе,
Но яснее одной нет.
Много мальчиков на свете,
Но милее тебя нет.*

Особенно привлекателен его взгляд:

*Я сидела с милкой рядом,
Он похвалился мне взглядом.*

Не видеть этого «взгляда», не говорить с милкой – страдание для нее:

*Милка спит, а я томлюся,
Разбудить его боюся.*

И для него милашка – предмет дум, мечтаний, страданий:

*Ты играй, моя гармошка!
Все четыре тона,
Чтобы слышала милашка
На постели дома.*

или:

*Страдай, страдай, страдай по мне.
С правой руки кольцо тебе.*

А какое мучение для обоих – разлука! Весь мир готова милка залить своей безысходной тоской:

*Ихахошки по всем свету,
Кого люблю, того нету.*

Уже задолго до разлуки сердце-вещун предсказывало несчастье:

*Милашечка, подай руку,
Сердце чувствует разлуку.*

Солдатчина – вот главная причина разлуки:

*Скоро, скоро лед растает,
Скоро ути поплывут,
Скоро здесь его не станет,
У солдаты отдадут.*

И слезами заливаается одинокая милашка: без него ей все постыло, она вянет и сохнет, не хочет ни есть, ни пить, не расстается только с мечтами о нем:

*Через блюдце слезы льются,
Не могу я чаю пить:
Взяли милого в солдаты,
Не могу его забыть.*

Немало страданий приносит и ревность:

*А в Воловой(-ве) тучи ходят,
А в Ельцу-то гром гремит,
Мою милку девки любят,
А в мене сердце болит.*

Холодность милки иногда невыносима и тогда:

*Если я тебе не стою,
Провались ты с красотой.*

Ведь не клином мир сошелся, выбор велик:

*Будет, милка, тебе дуться,
Без тебе сорок найдутся!*

А все же:

*Куда пошел? Воротися!
Глаза твои помутися!*

Сердце не перестает болеть, щемит:

*Болит сердце не от боли,
От проклятыя любви.*

И нет средства избавиться от этой роковой болезни:

*От любви нет отлеки
Ни в больнице, ни в аптеке!*

А. М. Селищев приводит пример явления осмысления слова «Смоленская» икона Божией Матери. «Смоленская» связывается с глаголом – (за)смолить, (за)жечь.

Мужик выехал косить пшеницу в день празднования иконы Смоленской Божией Матери (28 июля).

Вечером он развел небольшой костер, чтобы сварить себе кашу. Но набежавший ветер разнес искры костра по всей земле мужика, и от пшеницы осталось одно тяжелое воспоминание.

Так был наказан мужик за то, что вздумал работать в праздник Смоленской Божией Матери: она и «засмолила» его поле.

Афанасий Матвеевич записал и толкование снов, например, видеть во сне:

- Ø девушку – к удивлению;
- Ø мельницу – к сплетням (молоть – говорить пустяки);
- Ø речку – к речам, к разговорам;
- Ø лошадь – ко лжи (лош – ложь);
- Ø серебряные монеты – к слезам;
- Ø чай – случится что-нибудь нечаянное, но не чаянное, так как глагол 'чаяти' – без отрицания в этом говоре неизвестен (ср. выражение: Я ни чаила, ни гадала (совершенно не думала о чем-нибудь)).

Таким образом, необходимость исследования исторического и современного фактического материала позволило Афанасию Матвеевичу Селищеву объективно аргументировать выдвигаемые научные теоретические положения в области изучения диалектологии русского

языка, определить этнографическую и фольклорную специфику территориального образования.

Содержательные фактические сведения значимы для осмысления филологических проблем, для развития актуальных направлений в современной лингвистической науке, для сохранения и приумножения духовного наследия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Российский Государственный архив литературы и искусства / Фонд 2231. Описание № 1. Единица хранения № 2.
2. Российский Государственный архив литературы и искусства / Фонд 2231. Описание № 1. Единица хранения № 143.
3. Российский Государственный архив литературы и искусства / Фонд 2231. Описание № 1. Единица хранения № 165.
4. Российский Государственный архив литературы и искусства / Фонд 2231. Описание № 1. Единица хранения № 166.
5. Российский Государственный архив литературы и искусства / Фонд 2231. Описание № 1. Единица хранения № 167.
6. Российский Государственный архив литературы и искусства / Фонд 2231. Описание № 1. Единица хранения № 168.
7. Российский Государственный архив литературы и искусства / Фонд 2231. Описание № 1. Единица хранения № 169.

Стаття надійшла 01.10.2016 року

УДК 811.161.2'271

Тамара Слободинська

(Вінниця, Україна)

e-mail: slobodynska@ukr.net

МОВЛЕННЕВЕ СПІЛКУВАННЯ: ВІД ДОШКІЛЬНОГО ДИТИНСТВА ДО ДОРΟΣЛОГО ВІКУ

У роботі автор робить спробу розмежувати ключові поняття теорії комунікації, а також показує еволюцію послуговування словом від народження людини до досягнення нею зрілості.

Ключові слова: комунікативний акт, мовленнєве спілкування, комунікація, соціальна взаємодія, колектив, дошкільне дитинство.

Слободинская Т. Речевое общение: от дошкольного детства до взрослого возраста.

В работе автор пытается разделить ключевые понятия теории коммуникации, а также показывает эволюцию использования слова от рождения человека до периода достижения зрелости.